

Драконы предвечных эпох рождались в лесной глуши и мрачных пещерах — там, где солнечный свет был редким гостем или вовсе не проникал под своды. Эволюция наделила их исключительным зрением, способным различать детали в самой густой тьме, и привычкой к жизни в сумрачных чертогах.

Однако Малыш Ли, будучи в прошлом человеком, при виде огромного черного особняка ощутил невольный трепет.

До поместья его нес Фенкес, но у входа примарху пришлось заняться формальностями с охраной, и он передал кроху на руки Цянь Сину. Маленькая Система, легкая, точно воздушный зефир, доверчиво прильнула к Королю морских демонов. Крохотные ладошки инстинктивно вцепились в завязки его плаща, а огромные глаза с опаской озирались по сторонам.

— Братец, тут так темно... — прошептал Цзюэцзюэ.

Стража, проверив приглашение, пропустила гостей.

Путь от ворот до главного дома лежал через бесконечно длинную галерею. Здесь не было и следа современных технологий — ни одной электрической лампы. На стенах, украшенных барельефами с драконьими письменами, застыли кованые подсвечники. В них безмолвно сгорал китовый жир. Всё это казалось настолько древним, что с трудом верилось в существование подобного места в высокотехнологичном Городе Чешуи.

Несмотря на надежные руки взрослого, этот путь сквозь мрак пробудил в сердце Ли Цзюэ старые страхи.

В Бесконечном пространстве время течет иначе, и для ребенка жизнь в семье Шэнь была событием почти вчерашним. Он ясно помнил тот солнечный день, когда школьный автобус высадил его у дома. В комнатах было светло, и воспитательница, уходя, не стала включать свет — отец обычно возвращался с работы рано.

Маленький Ли Цзюэ, прижимая к себе игрушку, сидел на своем детском диванчике и тихонько разговаривал с куклами. Он привык коротать время в одиночестве. Папа всегда говорил: «Когда небо из синего станет оранжевым, я вернусь». И Цзюэцзюэ послушно ждал, сам себя развлекал, сам себя баюкая.

Но в тот день ожидание затянулось. Небо сменило лазурь на золото, затем на густой пурпур, и в конце концов утонуло в непроглядной черноте. Папа так и не пришел.

Проснувшись среди ночи, малыш обнаружил себя в пустом, безмолвном доме, погруженном во тьму. Ли Цзюэ было страшно, но он, обняв своего плюшевого друга, храбрился: «Не бойся, я

тебя защищу», а затем шептал самому себе: «Цзюэцзюэ смелый, Цзюэцзюэ не боится».

Выключатели в доме располагались слишком высоко — даже встав на табуретку, он не мог до них дотянуться. Единственный торшер, который он умел включать, как назло, перегорел. Тьма заполнила каждый угол, и лишь холодный, призрачный свет далеких звезд едва мерцал в оконном проеме. Это была самая долгая и отчаянная ночь в его короткой жизни.

И, к несчастью, не последняя.

Все соседи знали отца и сына Шэнь. Молодой красавец-отец и очаровательный, нежный малыш всегда были вежливы со всеми и пользовались всеобщей симпатией. Соседи часто угощали кроху сладостями, а когда Шэнь Янь задерживался на работе, кто-нибудь обязательно присматривал за ребенком.

Обычно Шэнь Янь выходил на работу в то же время, когда соседи вели своих детей в школу, и они вместе шли до метро, болтая о пустяках. Но однажды Шэнь Янь не появился. Ни на второй день, ни на третий.

Хотя никто не знал подробностей его жизни, все догадывались, что он одинок. Шэнь Янь никогда не упоминал родственников — вероятно, в порыве юношеского бунта он порвал с семьей, а ребенок стал плодом случайной ошибки. Поскольку он не говорил о переезде или отпуске, а воспитательница подтвердила, что привела Ли Цзюэ домой, соседи заподозрили неладное.

Прошло уже трое суток. Ребенок не мог оставаться один так долго.

Почуввав беду, соседи вызвали полицию. Когда дверь взломали, маленький Ли Цзюэ лежал на полу без сознания. Он был истощен до предела. Еще несколько часов — и последствия стали бы непоправимыми. Лишь благодаря добросердечию окружающих, которых Шэнь Янь всегда располагал к себе, жизнь мальчика была спасена. Доброта отца, пусть и косвенно, спасла сына.

Но и это не стало концом злоключений.

Полиция так и не смогла найти Шэнь Яня, чей след затерялся между жизнью и смертью. Через официальные каналы они вышли на семью Шэнь. За ребенком приехал Шэнь Цзянсин — тот самый человек, который позже безжалостно бросит его на произвол судьбы в разгар снежной бури.

Жизнь в родовом поместье Шэнь оказалась суровым испытанием. Взрослые переносили свою ненависть к Шэнь Яню, «опозорившему семью», на невинное дитя. Его лишали даже самого необходимого, а тесная каморка-кладовка, куда его поселили, стала продолжением ночного кошмара.

К счастью, у него был Лин Си.

Тогда он был еще мальчиком по имени Лин Си. Именно он в моменты самого черного отчаяния открывал дверь чулана, держа в руках маленький ночник. Он стал для Ли Цзюэ маяком в безбрежном океане тьмы. Благодаря любви отца, запечатленной в сердце, и заботе Лин Си, малыш избежал тяжелых душевных травм, но страх перед темнотой остался в нем навсегда.

Поначалу Цзюэцзюэ с опаской озирался по сторонам, но затем в страхе уткнулся лицом в шею Цянь Сина. Маленькое тельце заметно дрожало, а ладошки мертвой хваткой вцепились в одежду Владыки.

Король морских демонов не был склонен к состраданию. Он убеждал себя, что его ответная ласка — лишь способ повысить уровень привязанности маленькой Системы. Он нежно погладил Ли Цзюэ по спине, безмолвно утешая.

— Братец... — глухо донеслось из его объятий. — Почему тут не включают свет?

Этот вопрос озадачил и самого Цянь Сина. Неужели эти ящеры настолько деградировали, что не могут изобрести приличное освещение? К чему этот нелепый атавизм?

— Драконы — странные существа, — поддакнул Король морских демонов, не упустив случая для тонкой агитации. — В моем дворце куда красивее. Там свет горит и днем, и ночью. И огни там всех цветов радуги.

В морских глубинах полно светящихся раковин, жемчуга и диковинных рыб. Цянь Син ненавидел мрак, поэтому его Подводный дворец всегда сиял мягким естественным светом. Даже в самую долгую ночь там царило вечное сияние.

Пока гости из других миров сетовали на темноту, драконы чувствовали себя как рыбы в воде и только прибавили шагу. Зрение Короля морских демонов, привыкшего к подводным сумеркам, было слабее драконьего, и ему приходилось полагаться на интуицию, чтобы не наступить на пятки идущим впереди. Хотя, честно говоря, ему очень хотелось хорошенько пнуть Фенкеса.

Малыш Ли вдруг поднял голову:

— А Сиси? Где Сиси?

Он помнил, что сам был человеком и боялся темноты; значит, его старшему братику тоже должно быть страшно? В тишине коридора звонкий детский голосок прозвучал особенно отчетливо.

— Я здесь, — отозвался сзади Лин Си. — Что случилось, Цзюэцзюэ?

— Сиси, подойди ко мне, пожалуйста, — попросил малыш.

Взрослые замедлили шаг. Лин Си, извинившись шепотом, проскользнул мимо офицеров и оказался рядом с Ли Цзюэ. Малыш потянулся к нему из объятий Цянь Сина:

— Сиси, возьми меня за руку.

— Цзюэцзюэ, не бойся, — решил мальчик, — мы скоро выйдем к свету.

— А я и не боюсь! — звонко возразил Малыш Ли. — Просто так тебе тоже не будет страшно.

Лин Си на мгновение замер, осознав, что кроха пытается защитить его самого. Он легонько пожал маленькую ладошку:

— Спасибо тебе. Но так нам будет трудно идти. Хочешь спуститься?

Ли Цзюэ заколебался. Ему очень хотелось идти за руку с Сиси, но покинуть надежные руки взрослого...

Прежде чем он успел принять решение, Лин Си негромко вскрикнул. Линь Ван подхватил мальчика на руки. Будучи одного роста с Цянь Сином, Линь Ван уравнил «высоту» обоих детей, и теперь они могли спокойно держаться за руки.

Лин Си опешил. В отличие от Ли Цзюэ, он не был всеобщим любимцем и прекрасно понимал свое положение на корабле. Близость с высшими офицерами не входила в его обязанности.

— Господин Линь Ван, это... это неподобающе. Пожалуйста, спустите меня на землю!

Линь Ван лишь рассмеялся:

— Глупости. Ты легче, чем та коллекционная фигурка прекрасной девы, с которой Уилл спит в обнимку каждую ночь.

Уилл, будучи натурой скрытной, полагал, что его маленькие слабости — тайна за семью печатями, но товарищи давно всё разведали. Даже в темноте можно было представить, как он вспыхнул до корней волос, заикаясь от негодования:

— Ты... ты что несешь?! Я вовсе не...

Так, под шутки и смех, гнетущая атмосфера длинного коридора рассеялась, и путники наконец вышли к свету.

Впереди, в глубине огромного зала, мерцали огоньки, подобные россыпи далеких звезд. Но стоило семье Золотого Дракона приблизиться, как все эти огни синхронно повернулись в их сторону.

Это были вовсе не светильники. То были настоящие драконьи зрочки, пылающие, точно раскаленные угли!

Сотни пар глаз пристально разглядывали гостей. Они изучали своих сородичей, присматривались к чужакам и с жадным любопытством впивались в того, кто был нужен всем — драгоценного наследника Золотого Дракона.

Их взгляды нельзя было назвать дружелюбными, но и явной злобы в них не чувствовалось. Это было чистое, первобытное изучение добычи — тяжелое, властное и пугающее, присущее высшим хищникам.

Даже Король морских демонов и две его служанки, впервые оказавшиеся в подобном месте, были потрясены увиденным. Цянь Син, будучи господином в своем мире, не привык, чтобы на него смотрели как на дичь. Он согласился на сделку с Фенкесом ради маленькой Системы, но терпеть подобное отношение не собирался.

Он уже готов был развернуться и уйти, но в этот момент кто-то удержал его за рукав. Цянь Син гневно обернулся и встретился с взглядом Фенкеса. Золотое пламя в глазах примарха пригласило — казалось, он намеренно старался не оказывать давления на своего спутника.

— Еще немного, — в голосе обычно заносчивого Тирана прозвучала почти просьба. — Скоро всё закончится. Я обещаю. Хорошо?

Сегодня старейшина Цяо должна была увидеть в них гармоничную пару. Ссора на самом пороге означала бы провал первого же испытания.

Цянь Сину не нравился этот покровительственный тон, а еще больше — то, что его удерживали силой. Король морских демонов черпал мощь из стихии воды, и в чисто физической силе он не мог тягаться с драконом. На кончиках его пальцев уже начал сгущаться ледяной туман. Его водяные клинки могли пробить даже самую прочную чешую.

И тут его пальцев коснулась теплая маленькая ладошка.

Кроха, оказавшийся между двумя разгневанными взрослыми, расстроено надул губки и жалобно протянул:

— Не надо ссориться... Братец, пожалуйста, не ссорьтесь!

Ли Цзюэ рос в неполной семье и никогда не видел размолвок между родителями, но талант

миротворца проснулся в нем инстинктивно. Он не любил, когда люди злятся. Малыш вцепился в руку Цянь Сина, а другой потянул Фенкеса за рукав, умоляюще глядя на опешивших мужчин:

— Учитель говорил, что хорошие детки не ссорятся. Братцы, вы же тоже не будете, да?

Серьезное личико и наставнический тон трехлетнего ребенка выглядели до крайности трогательно.

Фенкес сдался первым. Он ласково сжал крохотную ручку, и его голос мгновенно смягчился:

— Хорошо. Я виноват, мне не следовало злиться. Простишь меня, Малыш Ли?

Цянь Син замер. Он и представить не мог, что Золотой Тиран способен так быстро признавать поражение. Ли Цзюэ, получив обещание от одного, радостно зажмурился и с надеждой посмотрел на второго.

Теперь на Короля морских демонов смотрели уже две пары глаз. Цянь Син почувствовал, что не может устоять под этим напором. Он поджал губы и легонько коснулся пальчика малыша:

— Ладно...

В этом коротком слове могло крыться множество смыслов, но Малыш Ли остался доволен. Он соединил руки взрослых, торжественно пробормотав:

— Вот и хорошо! Братцы теперь тоже послушные детки!

Стоявший рядом Линь Ван не выдержал и коротко хохотнул.

Старейшина Цяо, наблюдавшая за каждым движением гостей со своего места, не упустила сцену примирения. Она слишком хорошо знала нрав Фенкеса — гордого, строптивного сына Сени, прозванного Тираном. Тот, кто раньше скорее дал бы себя убить, чем склонил голову, теперь смиренно искал прощения у своей пары и ребенка.

Любовь меняет людей... и драконов. Эта истина была стара как мир. Глядя на них, старейшина подумала, что Фенкес, возможно, действительно способен воспитать наследника в одиночку.

Первое испытание осталось позади. В зале вспыхнул яркий свет, и сотни глаз-фонарей тут же погасли — драконы чинно выстроились за спинами своих предводителей. Фенкес бросил быстрый взгляд на присутствующих, мгновенно считывая информацию о каждом.

Формально это был «семейный ужин» старейшины Цяо, но на деле — тайное собрание Совета. А раз здесь были старейшины, значит, их сопровождали самые влиятельные представители кланов. Лица были до боли знакомыми — те же, что он видел в Совете после возвращения в Город Чешуи.

«Семью» Фенкеса пригласили к главному столу, за которым сидела старейшина. Остальных членов его группы распределили по другим местам. Однако, когда Лин Си последовал за Линь Ваном, в зале воцарилась странная, тягучая тишина.

В обществе драконов иерархия была незыблема, и место за столом определяло статус гостя. Зал имел форму амфитеатра, в центре которого находились старейшина и Фенкес с семьей. Чем дальше от центра, тем меньше была власть сидящих там.

Старейшины подняли глаза на Лин Си, которого остановили на второй ступени возвышения. Старейшина клана Пурпурного Дракона с сомнением произнес:

— А это кто?..

Фенкес, стоя рядом с Цянь Сином и крепко держа Ли Цзюэ за руку, ответил:

— Это наш слуга.

— Человек, — с неприкрытым недоверием повторил Пурпурный старейшина. — Жалкий человек.

Аура Лин Си разительно отличалась от драконьей. Это чувствовали все, даже не приближаясь к нему.

— Этот ребенок... он человек.

— Человек...

— Не может быть...

По залу пронесся приглушенный шепот. Драконы Города Чешуи почти не сталкивались с людьми. В их представлении это были слабые и никчемные существа, лишь добыча. И только те, кто бывал в обитаемых мирах, знали: эта «хрупкая раса» умудрилась развить технологии, не уступающие драконьим, а порой и превосходящие их. Человек был не просто дичью — он мог стать опасным противником.

В зале снова вспыхнули драконьи зрочки — один за другим, от центра к самым верхним ярусам. Когда драконы хотели подавить кого-то своей волей, их глаза горели праведным огнем.

Грозный свет струился сверху вниз, пытаясь раздавить чужака, дерзнувшего нарушить покой клана. Их голоса сплетались в зловещий гул, обволакивая мальчика.

Лин Си инстинктивно отступил, но в этот момент чья-то маленькая ладошка крепко сжала его руку. Он обернулся: Ли Цзюэ, покинув свое место, стоял рядом с ним.

— Я защищу Сиси! — твердо произнес малыш.

Где бы они ни были — в темном коридоре, в этом зале или в холодном доме Шэнь — они всегда будут стоять плечом к плечу. Лин Си глубоко вздохнул и кивнул.

В ту же секунду на плечо мальчика легла тяжелая рука. Лин Си поднял голову и увидел Фенкеса. Тот не смотрел на него, но его губы едва заметно шевельнулись: «Не бойся».

Этот «семейный ужин» был полон ловушек, и каждое слово могло стать роковым. Но Фенкес был самым ярким защитником своих близких среди всех драконов. Пусть он не всегда был так внимателен к Лин Си, как к малышу, этот мальчик всё равно был частью его экипажа, его народа. И он не позволит никому забрать его.

Чувствуя поддержку Босса и Ли Цзюэ, Лин Си окончательно успокоился. Теперь он не был просто сторонним наблюдателем — у него тоже была семья.

Фенкес ободряюще сжал плечо мальчика и обратился к старейшинам:

— Он — лучший друг моего сына.

Пурпурный старейшина не унимался:

— Почему ты привел человека на семейный совет? Сын Сени, ты хоть понимаешь, где находишься?

Его сторонники тут же подхватили:

— Гнать его в шею!

— Ему здесь не место, он угроза безопасности!

— Верно, верно!

Фенкес оставался невозмутим:

— Малыш Лин — хороший мальчик. К тому же Цзюэцзюэ к нему очень привязан. Кроха, ведь так?

Драконы окончательно запутались в именах и прозвищах, которыми Фенкес сыпал направо и налево. Но Ли Цзюэ отреагировал мгновенно. Он обхватил руку Лин Си и, обиженно поджав губы, жалобно протянул:

— Сиси, не уходи, пожалуйста!

Малыш проявил незаурядный актерский талант: его глазки покраснели, и казалось, еще секунда — и он разразится слезами. Глядя на это крошечное создание с беззащитными рожками, суровые драконы почувствовали, как их сердца дрогнули.

Лин Си знал, что это игра, но всё равно не удержался и ласково коснулся кудряшек малыша:

— Всё хорошо, я никуда не уйду.

Ли Цзюэ радостно уткнулся ему в плечо. Трехлетний кроха был значительно меньше пятилетнего друга, и Лин Си обнял его, словно большую плюшевую игрушку, шепотом успокаивая. Вид двух неразлучных друзей заставил присутствующих невольно вздохнуть.

По рядам снова пополз шепот:

— На самом деле...

— Может, человек и не помеха.

— Он же совсем маленький.

— Неужели мы с ним не справимся?

— Проверку он прошел...

— Пусть остается.

— Верно, пусть.

Пурпурный старейшина хотел было возразить — он был дружен с Хабердом и ненавидел строптивного Фенкеса, — но примарх прервал его одним лишь взглядом. В этом взгляде читалось: «Я здесь только из уважения к старейшине Цяо, так что помалкивайте. Слушать вас всё равно не стану». Пурпурный старейшина аж побагровел от ярости. У него была целая

гора обвинений против этого наглеца, но он не успел вставить ни слова.

Малыш Ли поднял голову от плеча Лин Си и посмотрел прямо на старейшину Цяо, которая всё это время хранила молчание. Кроха жалобно потер животик и прошептал:

— Бабуля, Цзюэцзюэ кушать хочет...

В прошлый раз в Совете мало кто расслышал, как он назвал её «бабушкой». Теперь же, в наступившей тишине, это ласковое обращение прозвучало колокольным звоном. Драконы в изумлении округлили глаза. Как он её назвал? «Бабуля»?

Этот ребенок... он заигрывает со старейшиной Цяо? С той самой женщиной, которая даже на рождение собственных внуков не пришла взглянуть! Неужели она поддастся на уговоры какого-то мальчишки?

— Сын Сени! — возмутился Пурпурный старейшина. — Так ты воспитываешь своего наследника? К старейшине Цяо нужно проявлять...

Фенкес начал терять терпение. Он ненавидел, когда его называли «сыном Сени» — эти старики думали, что имя матери поможет им обуздать его. Но он не успел ответить.

Сухопарая, величественная женщина медленно поднялась со своего места. Она коротким жестом призвала всех к тишине, и в зале мгновенно стало тихо как в могиле.

— Раз так, — произнесла древняя белая драконица, глядя на гостей своими подернутыми дымкой глазами, — пусть человеческое дитя останется.

Пурпурный старейшина не ожидал такой уступки:

— Но ведь!..

Старейшина Цяо даже не удостоила его взглядом. Бросив короткое «Не будем задерживать начало трапезы», она величественно опустилась на стул. Пурпурному старейшине осталось лишь бессильно скрежетать зубами.

— Как прикажете, — смиренно ответил он.